
Венчание
с мертвецом
18+
АННА ТИХОНОВА
18+

Анна Тихонова
Венчание с мертвецом

https://litres.ru/74770404
SelfPub; 2026

Аннотация

Реставратор Варя Седова приезжает в глухое село на Унже расчищать росписи заброшенной церкви. В стене ризницы она находит метрическую книгу 1917 года, которую считали сожжённой. В ней запись о венчании помещика Алексея Ордынского, убитого за неделю до свадьбы: невеста обвенчалась с ним мёртвым, ночью, при закрытых дверях.

В графе «невеста» — имя Вари. Её отчество. Её возраст.

Вечером к церкви подъезжает мужчина с лицом убитого жениха — архитектор Даниил Ордынский. Он уверен, что Варя мошенница. Старухи шепчут: обещанная невеста вернулась. А та, что хотела открыть правду, тонет в мельничном пруду со старинным кружевом в кулаке.

Под побелкой проступает невеста с лицом Вари. В запертом храме горят двенадцать свечей. Чтобы выжить, Варе придётся снять слой за слоем ложь длиной в сто лет.

Мистический детектив и история любви, которая ждала сто восемь лет. 18+

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Страница сорок вторая	8
Глава 2. Обещанная невеста	18
Глава 3. Перстень	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Тихонова
Венчание с мертвецом

Пролог

Село Покровское на Унже. Июль 1917 года. Ночь.

Венчали при закрытых дверях.

Так велел отец Иоанн, и никто не спорил. Свечей зажгли ровно двенадцать — больше не нашлось, а меньше было нельзя. Они стояли на аналое, на подсвечниках у царских врат, в руках у четырёх старух, которых батюшка позвал свидетельницами, и их пламя качалось от сквозняка, хотя все окна были закрыты.

Невеста стояла посреди храма одна.

Высокая, тонкая, с тёмными волосами, уложенными короной, в белом платье, которое шили для другого дня, для другой церкви, для другого счастья. Кружево на рукавах было из Парижа. Его привёз жених.

Жениха вносили на руках.

Четверо мужиков из усадьбы поднялись по ступеням паперти, тяжело ступая сапогами, и опустили на пол перед аналоем длинный тёсаный гроб. Крышку сняли. Мужики перекрестились и отступили к стене, стараясь не смотреть.

В гробу лежал Алексей Петрович Ордынский. В парадном

сюртуке, с белым цветком в петлице, с руками, сложенными на груди. Красивый. Даже сейчас — красивый: высокий лоб, тёмные брови вразлёт, твёрдый подбородок. Только лицо было белое, как воск свечей, и губы чуть синие.

Невеста смотрела на него не отрываясь. Не плакала. Слёзы кончились за три дня, пока его искали в лесу у Чёртова оврага и пока везли домой на телеге, укрытого рогожей.

Отец Иоанн дрожащими руками открыл требник.

— Не по чину это, дочка, — сказал он тихо, в последний раз. — Не по закону. Грех.

— Вы обещали, батюшка, — ответила невеста.

Голос у неё был ровный, низкий, без слёз. Батюшка посмотрел на неё долго, потом на гроб. Потом вздохнул и перекрестился.

— Обручается раб Божий Алексий рабе Божией… — Имя невесты батюшка произнёс так тихо, что не расслышал никто, кроме неё самой.

Старухи у стены забормотали молитву. Свечи качнулись разом — все двенадцать, будто кто-то прошёл по храму от двери до алтаря.

Невеста опустилась на колени у гроба. Взяла мёртвую руку жениха — холодную, тяжёлую, с тонким золотым перстнем на мизинце. Сняла со своего пальца кольцо — то, что берегла для него, с надписью внутри, — и надела ему на безымянный. Кольцо было велико — оно сползло и звякнуло о край гроба.

Потом сняла с его пальца перстень. Надела себе.

— Венчается раба Божия… — и снова имя ушло в шёпот.

Венцы держали над их головами две старухи. Над невестой — серебряный, тяжёлый. Над женихом — венец лёг прямо на грудь, на белый цветок, потому что держать его над лежащим было некому и незачем.

Когда дошло до вопроса — «Имаши ли произволение благое и непринуждённое?» — невеста ответила: «Имам, честный отче». Громко, отчётливо, на весь храм.

А когда батюшка спросил жениха, в церкви стало так тихо, что слышно было, как потрескивают свечи.

Невеста подняла голову.

И все, кто был в храме той ночью, — отец Иоанн, четыре старухи, мужики у стены — потом клялись, каждый по-своему, что слышали ответ. Тихий. Хриплый. Из гроба.

«Имам».

Никто не мог сказать, кто его произнёс. Может, ветер в куполе. Может, одна из старух со страху. Может, сама невеста — не размыкая губ.

Но свечи после этого погасли. Все двенадцать. Разом.

* * *

В метрической книге церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Покровское за 1917 год, на странице сорок второй, отец Иоанн сделал запись своим аккуратным семинарским почерком.

А через месяц сжёг книгу в печи. Вместе со всеми запи-

сями того года.

Так, по крайней мере, считалось сто восемь лет.

Глава 1. Страница сорок вторая

Унжа текла медленно, широко, вся в золоте.

Варя увидела её с моста, на подъезде к селу, и остановила машину прямо посреди дороги — всё равно никто не ехал. Вышла. Встала у перил.

Река лежала внизу, тёмная, как чай, и по ней плыли листья. Тысячи листьев, целые флотилии, неторопливо, как крестный ход. Над водой стоял утренний туман, белый, лёгкий, рваный, и солнце пробивало его косыми лучами, и в этих лучах листья вспыхивали, будто кто-то бросал в реку горсти монет. На том берегу, на высоком холме, среди берёз, стояла церковь. Белая когда-то, теперь серая, облупленная, без крестов. Колокольня торчала над деревьями, как сломанный палец, и на ней росла маленькая кривая берёзка.

Варя смотрела и не могла насмотреться. Шесть лет она работала в реставрационных мастерских, объездила половину русских церквей от Ростова до Вологды. Видела храмы, от которых захватывало дух. И всё равно — каждый раз, каждое новое место было как первое свидание.

«Покровская церковь, 1798 года, — было написано в письме из епархии. — Росписи предположительно конца XIX века, под побелкой 1934 года. Состояние аварийное. Требуется расчистка и консервация. Проживание за счёт прихода».

За счёт прихода оказалось — комната в доме у Томы.

* * *

Тома была крупная, рыжая, шумная женщина сорока лет, с руками, красными от стирки, и смехом, который было слышно на другом конце села. Она встретила Варю у калитки, забрала у неё сумку, как пушинку, и за пять минут рассказала всё: что муж на вахте в Сургуте, что дети в Костроме в колледже, что корова Зорька даёт двенадцать литров, что батюшка у них молодой, из города, хороший, но больно строгий, а краевед Аркадий Семёныч — святой человек, всё село на нём держится.

— А это вам, — сказала она, распахивая дверь в маленькую комнату под крышей. — Чистенько, печка, окно на реку. Вечером Зорькиного молочка принесу.

В комнате пахло сушёной мятой и яблоками. На подоконнике лежали антоновки — жёлтые, восковые, пахучие. Окно смотрело прямо на реку и на церковь на холме.

Варя поставила этюдник в угол и вдруг поняла, что улыбается.

* * *

Аркадий Семёнович Гусев пришёл знакомиться в тот же вечер.

Невысокий, сухонький, в старом твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях, с аккуратной седой бородкой и в круглых очках. Он был похож на учителя из старого фильма — и, как выяснилось, тридцать лет учителем и был:

преподавал историю в местной школе, пока её не закрыли. Теперь в бывшей школе был его музей.

— Варвара Андреевна, — сказал он, пожимая ей руку обеими ладонями, мягкими и сухими. — Счастлив. Просто счастлив. Вы не представляете, сколько лет я писал в епархию про эти росписи. Двадцать! И вот — вы.

Он повёл её в музей. Три комнаты, бывшие классы. Прялки, вышитые полотенца, самовары, фотографии в рамках. Карта уезда 1890 года. Лапти. Детская люлька. И в последней комнате, на отдельной стене, — Ордынские.

— Наши помещики, — сказал Гусев с гордостью, будто это были его родственники. — Усадьба в трёх верстах, в бору. Сейчас руины, но какие руины! Классицизм, колоннада, парк с прудами. Ордынские здесь двести лет жили.

На стене висели фотографии. Старые, коричневые, в трещинах. Дамы в шляпах с перьями. Господа в мундирах. Дети в матросках у пруда. И один портрет — большой, в овальной раме, отдельно от остальных.

Молодой мужчина лет тридцати. Тёмные волосы, зачёсанные назад. Высокий лоб, брови вразлёт, твёрдый подбородок. Светлые глаза, очень внимательные, почти насмешливые. Белый воротничок, тёмный сюртук. Он смотрел прямо в камеру — прямо на Варю — так, будто знал что-то, чего не знала она.

Варя остановилась перед портретом.

— Алексей Петрович Ордынский, — сказал Гусев тихо.

— Последний хозяин. Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Через год его убили.

— Кто?

— Неизвестно. Время было такое. Нашли в лесу, у Чёртова оврага, с проломленной головой. За неделю до свадьбы. — Гусев помолчал. — А невеста его, говорят, всё равно с ним обвенчалась. С мёртвым. В нашей церкви. Ночью.

Варя отвела взгляд от портрета.

— Это легенда?

— У нас так говорят. «Венчание с мертвецом». Старухи до сих пор рассказывают — им бабки рассказывали. Я пытался найти документы — метрическую книгу той церкви. Но её сожгли. Говорят, сам батюшка сжёг, от греха, — в августе. А второй экземпляр в консисторию отсылали только в конце года. Так и не отослал. — Гусев снял очки, протёр их краем пиджака. — Жалко. Я бы душу отдал, чтобы увидеть ту запись.

— А кто была невеста?

— Местная девушка. Крестьянка. Имени не сохранилось. После венчания она пропала — уехала, говорят. Куда — никто не знает.

Варя снова посмотрела на портрет. Светлые насмешливые глаза глядели на неё из овальной рамы.

Ей почему-то стало зябко.

* * *

Работу она начала на следующее утро.

Внутри церковь была гулкая, холодная, пахнущая сыростью, голубиным помётом и старым зерном — в тридцатые здесь был колхозный склад. Пол разобрали на доски ещё до войны. Иконостаса не было. Окна забиты фанерой. Свет падал только из барабана под куполом — косым столбом, в котором медленно кружилась пыль, как снег в стеклянном шаре.

Но стены. Варя стояла посреди храма, задрав голову, и смотрела на стены.

Побелка лежала толстым серым слоем, в трещинах и разводах. А сквозь неё — там, где она осыпалась, отслоилась, пошла пузырями, — проступали краски. Кусок синего неба. Край золотого нимба. Чья-то рука с длинными пальцами. Складки красного плаща. Глаз — один, большой, тёмный, внимательный, — смотрящий прямо на неё из-под слоя извести.

Сердце у неё колотилось, как всегда в первый день.

Отец Николай, молодой священник, тощий, с русой бородкой и усталыми глазами, показал ей храм, благословил и ушёл служить в часовню на кладбище — единственное место, где пока можно было служить. Варя осталась одна.

Она начала с ризницы. Маленькая комнатка за алтарём, низкая, с одним окошком, — там побелка лежала тоньше, и под ней угадывался орнамент. Варя расстелила плёнку, поставила лестницу, разложила инструменты — скальпели, кисти, тампоны, растворы. Надела перчатки и маску. И начала.

Это была медленная работа. Сантиметр за сантиметром. Размягчить известь. Снять скальпелем — осторожно, по слою, не задевая краску. Промокнуть. Снова. К обеду она открыла полметра орнамента — виноградная лоза, золотая, на тёмно-синем.

К вечеру — заметила трещину.

В углу ризницы, у самого пола, побелка лежала иначе. Ровнее. Свежее. Варя постучала по стене костяшками пальцев. Глухо — и вдруг звонко. Пусто.

Она взяла молоток.

За тонкой кладкой в полкирпича оказалась ниша. Небольшая, как печная духовка. А в нише — свёрток. Длинный, плоский, тяжёлый, обёрнутый в почерневшую от времени промасленную ткань и перевязанный бечёвкой.

Варя долго сидела на корточках перед нишей, не решаясь дотронуться.

Потом позвонила Гусеву.

* * *

Он прибежал через двадцать минут, запыхавшийся, без пиджака, в домашних тапочках. С ним пришёл отец Николай. Они стояли втроём в тесной ризнице, в свете Вариного фонаря, и смотрели, как она развязывает бечёвку.

Под тканью была книга. Большая, в кожаном переплёте, с медными уголками. На обложке — тиснение, почти стёршееся: «Метрическая книга церкви Покрова Пресвятыя Богородицы села Покровскаго. 1917».

Гусев издал звук, похожий на всхлип.

— Не сожгли, — прошептал он. — Господи. Не сожгли. Спрятал.

Варя положила книгу на плёнку. Руки у неё дрожали — от холода или от волнения, она не понимала. Открыла.

Желтоватые листы. Таблицы, расчерченные от руки. Аккуратный семинарский почерк — бурые выцветшие чернила, яти, твёрдые знаки. «Родившиеся». «Бракосочетавшиеся». «Умершие».

— Июль, — сказал Гусев сдавленно. — Ищите июль. Бракосочетавшиеся.

Варя листала. Январь. Март. Май. Страницы шуршали, как сухие листья.

Страница сорок вторая.

«Июля 9 дня. Жених: помещик Костромской губернии Ордынский Алексей Петрович, 31 года, православный, первым браком, — умершим числящийся. Невеста: крестьянская девица села Покровскаго Седова Варвара Андреевна, 29 лет, православная, первым браком. Таинство совершено по особому прошению невесты и с разрешения благочинного. Священник Иоанн Преображенский».

Варя перестала дышать.

Она прочитала ещё раз. Потом ещё. Буквы не менялись.

Седова Варвара Андреевна. Двадцать девять лет.

— Это… — сказал отец Николай и замолчал. Перекрестился.

Гусев смотрел на Варю поверх очков. Странно. Очень внимательно.

— Варвара Андреевна, — сказал он мягко. — Позвольте спросить. Вы ведь Седова? По паспорту?

— Да.

— И вам двадцать девять?

— Да.

— И батюшку вашего звали Андрей?

Варя медленно закрыла книгу. Положила на неё ладонь — как будто книга могла раскрыться сама.

— Это совпадение, — сказала она. Голос был чужой. — Седовых в России тысячи. Варвар — сотни.

— Конечно, — согласился Гусев. — Конечно, совпадение.

Он улыбнулся. Тепло, по-отечески.

* * *

Варя вышла из церкви, когда уже темнело. Ей нужен был воздух.

Сентябрьский вечер был тихий, золотой, прохладный. Над рекой стоял туман. Где-то внизу, в селе, лаяла собака и мычала Зорька. Пахло прелыми листьями, дымом и яблоками.

На дороге у церковной ограды стояла машина. Чёрный внедорожник с петербургскими номерами, заляпанный грязью по самые окна. Варя не слышала, как он подъехал.

Дверь открылась. Из машины вышел мужчина.

Высокий. В тёмном пальто нараспашку, без шапки. Ветер

с реки трепал тёмные волосы. Он стоял у машины и смотрел вверх, на колокольню с кривой берёзкой, и Варя видела его в профиль: высокий лоб, тёмные брови вразлёт, твёрдый подбородок.

Потом он повернул голову. И посмотрел прямо на неё.

Светлые глаза. Очень внимательные. Почти насмешливые.

Варя стояла на паперти, держась за холодную створку двери, и не могла пошевелиться. Потому что это было лицо с портрета в овальной раме. Лицо человека, которого сто восемь лет назад внесли в эту церковь в гробу.

Мужчина пошёл к ней через церковный двор. Листья шуршали у него под ногами.

Остановился у нижней ступени паперти. Поднял на неё глаза.

— Добрый вечер, — сказал он. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой. — Простите. Я ищу Аркадия Семёновича Гусева. Мне сказали, он здесь.

Варя не ответила.

Он чуть нахмурился. Посмотрел на неё внимательнее.

— Вы в порядке? Вы будто привидение увидели.

— Кто вы? — спросила Варя.

Он помедлил.

— Ордынский, — сказал он. — Даниил Ордынский. Из Петербурга. Это моя семья когда-то здесь… — Он кивнул в сторону леса, туда, где в трёх верстах стояли руины усадьбы.

— Аркадий Семёнович мне писал. Сказал, нашлось кое-что, что мне стоит увидеть.

За спиной у Вари, в тёмной церкви, кто-то тихо прикрыл дверь ризницы.

Глава 2. Обещанная невеста

Даниил Ордынский прочитал запись на странице сорок второй трижды. Стоя, под фонарём Гусева, в холодной ризнице, не снимая пальто. Потом закрыл книгу, положил её на плёнку и повернулся к Варе.

— Седова Варвара Андреевна, двадцать девять лет, — сказал он ровно. — Аркадий Семёнович мне уже сообщил. Поздравляю. Удивительное совпадение.

Он произнёс «совпадение» так, как произносят «мошенничество».

Варя стянула перчатки.

— Вы думаете, я это подстроила?

— Я ничего не думаю. — Он пожал плечами. — Я архитектор, а не следователь. Я просто знаю, что моей семье принадлежало четыреста десятин земли, усадьба, лес и мельница. Что в девяностых наша семья пыталась вернуть хотя бы руины и проиграла все суды. И что теперь, когда в области приняли закон о передаче объектов наследия частным лицам, в моём почтовом ящике появляется письмо от краеведа, а в церковной стене — книга с именем женщины, которая по документам может оказаться… — он помедлил, — вдовой Ордынского. Законной наследницей первой очереди.

Гусев за его спиной издал возмущённый звук.

— Даниил Сергеевич! Варвара Андреевна приехала по на-

правлению епархии, она книгу при мне…

— При вас нашла. Да. — Даниил не отводил взгляда от Вари. — Я понимаю.

Варя смотрела на него. На лицо, которое она вчера видела в овальной раме. На светлые глаза. Только у мужчины на портрете они были насмешливые, а у этого — холодные, усталые, недоверчивые.

— Я реставратор, — сказала она. — Не наследница. Не вдова. Мне ваши десятины не нужны. Мне нужна эта стена, — она кивнула на полметра золотой лозы, — и ещё четыреста квадратных метров таких же. А вы можете думать что хотите.

Она взяла сумку с инструментами и вышла из ризницы. Прошла мимо него — так близко, что задела плечом пальто. От него пахло дорогой, бензином и чем-то холодным, морозным, как от осеннего ветра.

На паперти её догнал его голос:

— Варвара Андреевна.

Она обернулась. Он стоял в дверях церкви, в темноте, против света фонаря Гусева.

— Вы правда так на неё похожи? — спросил он. — На ту, из записи? Или мне кажется?

— Я никогда её не видела. Откуда мне знать?

— Я видел, — сказал Даниил. — У моей бабушки была фотография. Одна. Без подписи. Девушка в белом платье у пруда в усадьбе. Тёмные волосы короной. — Он помолчал.

— Я двадцать лет думал, что это какая-то кузина.

Варя стояла на ступенях. Ветер с реки трепал выбившиеся тёмные пряди, и Варя вдруг вспомнила, что утром, чтобы не мешали работать, уложила волосы короной.

* * *

В ту ночь она не спала.

Лежала в комнате под крышей, слушала, как скребёт по стеклу ветка яблони, и смотрела в окно. Церковь на холме стояла чёрная, без единого огонька, на фоне звёздного неба. Над колокольней висел молодой месяц — тонкий, рыжий, осенний.

Она думала о записи. О совпадении имени, отчества, возраста. О том, что Седовых в Костромской области тоже, наверное, хватает. Папина прабабка — она смутно помнила — была откуда-то с Волги. Или с Унжи? Отец говорил что-то про деревню, но Варя никогда не вслушивалась.

Она думала о мужчине на паперти. О том, как он сказал «вдовой Ордынского». О его глазах.

Месяц над колокольней медленно сползал к лесу.

* * *

Утром у колодца стояли старухи.

Колодец был старый, деревянный, с журавлём, в самом центре села, у сельпо. К нему ходили за водой — водопровод в Покровском так и не провели. Ходили и за новостями.

Их было трое. Варя потом узнала имена: Агафья — высокая, сухая, в чёрном. Нюра — маленькая, круглая, в цвета-

стом платке. И Пелагея — самая старая, древняя, сгорбленная почти пополам, с лицом, похожим на кору старой берёзы, и с палкой из можжевельника.

Они замолчали, когда Варя подошла с ведром. Все трое разом. Смотрели на неё. Не враждебно — с каким-то жадным, испуганным любопытством, как смотрят на икону, которая заплакала.

Варя поздоровалась. Ей ответили вразнобой, шёпотом.

Она опустила ведро в колодец. Цепь загремела. Вода внизу плеснула — чёрная, холодная, в ней отражалось небо.

За спиной зашептали. Тихо, но Варя слышала каждое слово — в утренней тишине звук разносился далеко.

— Она… Сказываю тебе — она.

— Лицом-то… Глянь, Агаша, лицом-то одно в одно…

— И кудри короной…

— Обещанная невеста вернулась, — сказала Пелагея. Громко. Отчётливо. Будто приговор зачитала. — И жених приехал. Вчерась. На чёрной машине.

Варя вытащила ведро и обернулась.

— Что значит — обещанная невеста?

Нюра и Агафья попятились. Пелагея не шевельнулась. Стояла, опираясь на палку, и смотрела на Варю снизу вверх — из-под низко повязанного платка, маленькими, выцветшими, но очень цепкими глазами.

— Бабка моя свидетельницей стояла, — сказала она. — В ту ночь. Венец держала над невестой. Серебряный, тяжёлый.

Сказывала: невеста кольцо с себя сняла и мертвецу на палец. А его перстень — себе. И сказала ему тихо, над гробом. Бабка слышала. «Вернусь за тобой. Хоть через сто лет. Жди».

Варя стояла с ведром в руке. Вода плескалась через край на её ботинки.

— Это сказка, — сказала она.

— Сказка, — согласилась Пелагея. — Как скажешь, девка.

Она повернулась и пошла прочь, тяжело опираясь на палку. Агафья и Нюра потрусили за ней.

А на полпути Пелагея вдруг остановилась. Обернулась. Посмотрела на Варю долго, пристально. И сказала — тише, так, чтобы подружки не слышали:

— Вечером приходи. Крайний дом, у мельничного пруда. Одна приходи. Я тебе другое скажу. Чего при них не скажу.

— Что?

Старуха помолчала. Посмотрела в сторону бывшей школы, где был музей Гусева. Потом снова на Варю.

— Запись-то в книге — не та, — сказала она еле слышно. — Бабка мне имя невесты говорила. Не Варвара её звали.

И ушла.

* * *

Весь день Варя работала в церкви. Расчищала ризницу дальше — лоза, гроздья винограда, птицы, клюющие ягоды. Руки делали своё дело, а мысли бегали по кругу, как белки в колесе.

Не Варвара. Тогда кто? И кто написал в книге «Варвара»?

Отец Иоанн, сто восемь лет назад? Ошибся? Или…

Даниил пришёл после обеда. Постоял в дверях ризницы, глядя, как она работает. Она не обернулась.

— Я был неправ вчера, — сказал он. — Грубо. Простите.

— Вы были неправы или грубы?

Он помолчал.

— Груб — точно. Неправ — не знаю пока. — Пауза. — Это удивительная работа. Можно посмотреть?

Она подвинулась. Он подошёл, встал рядом, наклонился к стене. Близко. Плечом к её плечу. Она чувствовала тепло его тела сквозь рабочую куртку и злилась на себя за то, что чувствует.

— Конец девятнадцатого, — сказал он. — Палехские мастера, скорее всего. Видите, как лист прописан? Тройной мазок, с золотом. Отец Алексея, Пётр Ордынский, расписывал этот храм на свои деньги. В девяносто восьмом году. Я видел счета в семейном архиве.

Варя посмотрела на него. Он не смотрел на неё — смотрел на лозу, и лицо у него было другое, не вчерашнее. Живое. Мальчишеское почти.

— У вас есть семейный архив?

— Остатки. Письма, счета, фотографии. Всё, что прабабка вывезла в двадцатом. — Он выпрямился. — Хотите посмотреть? Может, там есть что-то про… неё. Про невесту.

Варя долго смотрела на него.

— Хочу, — сказала она.

* * *

К Пелагее она пошла в девятом часу, когда стемнело.

Крайний дом у мельничного пруда стоял на отшибе, за околицей, у самой воды. Старая мельница чернела рядом — без колеса, с провалившейся крышей. Пруд был заросший ряской, тёмный, неподвижный. Над водой стоял туман.

В окнах Пелагеиного дома не горел свет.

Варя постучала. Тишина. Постучала громче. Толкнула дверь — не заперто.

— Пелагея Ивановна?

В доме пахло старостью, лекарствами и остывшей печкой. На столе стояли две чашки — пустые, чистые, вверх дном. Как будто хозяйка приготовила к приходу гостьи и вышла на минуту.

Варя вышла обратно на крыльцо. Огляделась.

И увидела.

На мостках у мельничного пруда, на самом краю, лежала можжевеловая палка. А в тёмной воде, в трёх шагах от мостков, среди ряски, — что-то светлое. Платок. Цветастый.

Нет. Белый.

Варя побежала.

* * *

Пелагею вытащили из пруда к полуночи. Мужики с фонарями, участковый из райцентра, отец Николай, бледный, в подряснике, читающий молитву над мокрым маленьким телом на траве.

Врач из районной больницы потом скажет: сердце. Старая, девяносто три года, пошла к пруду, оступилась на мостках. Бывает.

Но Варя видела то, что видели все.

Пелагея лежала на траве, маленькая, сухая, как сломанная ветка, и правая рука у неё была сжата в кулак. Когда отец Николай попытался её разжать — чтобы сложить руки на груди, как положено, — из кулака выпал клочок ткани.

Кружево. Белое, тонкое, старое, пожелтевшее от времени. С узором из мелких цветов.

Агафья, стоявшая в толпе, охнула и схватилась за Нюру.

— Парижское, — сказала она громко, на всю притихшую толпу. — С невестиного платья. Бабка Пелагеина сказывала — у невесты на рукавах кружево было парижское. Жених привёз.

По толпе прошёл шёпот. Кто-то перекрестился. Кто-то отступил назад, к домам.

Варя стояла у края пруда и смотрела на кружево на мокрой траве.

Кто-то тронул её за локоть. Она обернулась. Даниил. Без пальто, в одном свитере, с мокрыми по колено брюками — он помогал вытаскивать.

— Вы были здесь, когда её нашли, — сказал он тихо. Не обвиняя. Просто констатируя. — Вы пришли к ней. Зачем?

Варя посмотрела на него. Потом на толпу. Потом на Гусева, который стоял чуть в стороне, у мельницы, в своём тви-

довом пиджаке, сняв шапку, и смотрел на тело Пелагеи с печальным, скорбным лицом.

— Она хотела мне сказать, что запись в книге — не та, — сказала Варя тихо, так, чтобы слышал только Даниил. — Что невесту звали не Варвара.

Даниил ничего не ответил. Только чуть сильнее сжал её локоть.

Над мельничным прудом поднимался туман. В тишине кто-то из старух начал читать молитву — тихо, монотонно, на одной ноте. А в селе, далеко, на холме, вдруг глухо, один раз, ударил колокол.

На колокольне, где колоколов не было уже девяносто лет.

Глава 3. Перстень

Участковый Ефимов приехал из райцентра к утру, зевая, в форменной куртке поверх свитера. Посмотрел на мостки, на пруд, на кружево в пакетике, которое ему сунул отец Николай. Записал: «Оступилась. Возраст. Сердце». Про кружево сказал: «Мало ли тряпок в пруду». И уехал.

В селе говорили другое. У колодца, у сельпо, у калиток — шёпотом, оглядываясь. Невеста вернулась. Жених приехал. Пелагея первая про это сказала вслух — и вот. Мельничный пруд. Там и в семнадцатом году, говорят, кого-то нашли.

Когда Варя шла через село к церкви, Нюра, увидев её, перешла на другую сторону улицы. Мелко крестясь.

* * *

Даниил ждал её у ограды. Невыспавшийся, небритый, с картонной коробкой под мышкой.

— Архив, — сказал он. — То, что осталось. Я обещал.

Они сели на лавку у стены церкви, на солнце. Утро было ясное, холодное, звонкое. Над рекой ещё висели клочья тумана, но небо уже было синее-синее, и берёзы на холме горели жёлтым так, что больно глазам. Где-то высоко курлыкали журавли — улетали, клином, на юг.

В коробке лежали письма, перевязанные выцветшей лентой. Счета. Фотографии. Тетрадь в кожаном переплёте — опись имущества. Даниил перебирал их бережно, как пере-

бирают чужие кости.

Варя взяла верхнюю фотографию — и замерла.

На ней был герб. Оттиснутый на бумаге сургучной печатью: щит, на щите — птица с раскрытыми крыльями, над птицей — три звезды.

Она медленно подняла левую руку.

На безымянном пальце у неё был перстень. Старый, золотой, потёртый, с плоской печаткой. Бабушкин. Варя носила его с шестнадцати лет, никогда не снимала. Даже на работе — под перчаткой. Не думала о нём, как не думают о родинке.

На печатке была птица с раскрытыми крыльями. И три звезды.

Даниил увидел. Он смотрел на её руку так долго, что Варе стало неловко.

— Откуда? — спросил он наконец. Голос был тихий, сиплый.

— Бабушкин. По папиной линии. Ей от свекрови достался, а той — от её свекрови. Я не знаю, откуда. Говорили — старинный, семейный.

— Это наш герб. — Он взял её руку. Осторожно, как берут что-то хрупкое. Повернул к свету. — Ордынских. Видите — у птицы одно перо в крыле отломано? Это не стёрлось. Так было вырезано. Один из моих предков упал с лошади на охоте и сломал руку, и его сын велел вырезать на гербе птицу со сломанным крылом — в память. С тех пор так и осталось. Такой перстень был один. У старшего в роду. У Алексея.

Варя смотрела на свою руку в его ладони. Его пальцы были тёплые. Её — ледяные.

«Невеста кольцо с себя сняла и мертвецу на палец. А его перстень — себе».

— Это совпадение, — сказала Варя. Снова. И сама услышала, как глупо это звучит.

Даниил не отпускал её руку.

— Аркадий Семёнович видел? — спросил он.

Варя вспомнила. Первая встреча. Гусев пожимает ей руку — обеими ладонями, мягкими, сухими. Задерживает. Чуть дольше, чем нужно.

— Видел, — сказала она.

* * *

Письма были от Алексея — брату, Николаю, в Петроград. От Николая и шёл род Даниила: сам Алексей детей не оставил, не успел. Четыре штуки, весна и начало лета семнадцатого года. Даниил читал их вслух. Почерк был быстрый, летящий, с завитками, чернила выцвели до коричневого.

«…Ты будешь смеяться, Коля, но я женюсь. Да, я. Да, на крестьянке. Маменька в гробу перевернётся, а мне всё равно — маменьке уже ничего не сделается, а я живой. Её зовут Устинья, а дома все зовут Стешей — младшие братья в детстве не выговаривали «Устинья», так и прилипло. Ей двадцать два, она поёт в церковном хоре, и у неё такой голос, что батюшка сбивается со службы…»

Варя перестала дышать.

«…Семён опять копается в бумагах. Всё спрашивает про маменькину шкатулку, где она, да что в ней. Я ему не доверяю. Он слишком хорошо считает чужие деньги…»

«…венчание назначили на девятое июля. Приезжай, если сможешь. Не сможешь — пойму, время такое, на дорогах стреляют. Я спрятал маменькину шкатулку там, где никто не найдёт, кроме Стеши. Если со мной что случится — ключ у неё. Она знает…»

Последнее письмо было коротким. Датировано вторым июля. За неделю до венчания.

«Коля. Если не приедешь — береги себя. Здесь неспокойно. Семён ходит с лицом, будто ждёт чего-то. Мне кажется, за мной следят в лесу. Глупости, наверное. Нервы. Целую. Твой Алёша».

Даниил опустил письмо на колени. Посмотрел на Варю.

— Стеша, — сказал он. — Устинья. Двадцать два года. Не Варвара. Не двадцать девять.

— Пелагея была права.

— Значит, запись в книге — подделка. — Он помолчал. — Или ошибка батюшки.

— Батюшка не мог ошибиться в имени невесты, которую венчал с мертвецом, — сказала Варя. — Такое не забывают. Даже через месяц.

Даниил смотрел на неё. Долго. Потом сказал, и в голосе у него впервые не было ни холода, ни иронии:

— Кто-то вписал туда ваше имя. Ваше отчество. Ваш воз-

раст. Специально. Кто-то, кто знал о вас всё — ещё до того, как вы сюда приехали.

— И о перстне, — сказала Варя.

* * *

Вечером они шли вдоль реки. Без цели — просто шли. Унжа текла рядом, широкая, тёмная, вся в золотых листьях, и в ней отражалось закатное небо — розовое, лиловое, с тонкими перистыми облаками, похожими на перья той самой птицы со сломанным крылом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.